

II. РИМСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК

УДК 80+811.124'02+821.124'02

А. К. ГАВРИЛОВ

Санкт-Петербургский
институт истории РАН

CRIMINA DISERTA (Cat. c. 53)

Под конец стихотворения «*Risi nescioquem...*» (Cat. c. 53) Катулл цитирует человека из толпы, который под впечатлением от обличительной речи поэта и оратора Кальва воскликнул: «*salapu(t)tium disertum!*»! Существительное, которым много занимались, жаргонно обозначает не очень крупного по сложению мужчину, каким и был друг Катуллы Лициний Кальв. Представляется, что еще важнее литературно значимое прилагательное *disertus*. Характеризуя речь Кальва, поэт только что сказал: «*mirifice ... explicasset*», что отвечало манере Кальва, отличавшейся от цicerоновской искусной сдержанностью; *explicare* характеризует предельную отчетливость изложения (ср. Cat., c. 1, 6). В отличие от Катуллы простодушный *nescioquis* по наивности принял рассказ о вопиющих преступлениях Ватиния за гигантски изукрашенное красноречие из уст крошки Кальва, откуда и произошло его восклицание *salapu(t)tium disertum*, что, по Катуллу, доказывает только: преступления цезарианца Ватиния (*crimina Vatiniiana*) предельно живописны сами по себе — что и требовалось доказать Катуллу как врагу будущего диктатора.

Ключевые слова: Г. Валерий Катулл, М. Лициний Кальв, М. Туллий Цицерон, поэзия и ораторское искусство, П. Ватиний, *salapu(t)tium disertum*, *explicare*.

А. К. GAVRILOV

St Petersburg Institute for History
of the Russian Academy of Sciences

CRIMINA DISERTA (CAT. C. 53)

In his c. 53 Catullus tells an episode about an unknown man who after having heard C. Licinius Calvus speaking against Caesar's myrmidon C. Va-

tinus could not help crying out: “salapu(t)tium disertum”! The gloss *salapu(t)tium* has produced much discussion but of a limited success — it is clear only, that the expression points at a person of not especially mighty physical frame (such was indeed the case with Calvus). More interesting for the understanding of the little poem in whole is (from the author’s viewpoint) the adjective *disertus*, which sets off *explicasset* two verses earlier: *explicare* means ‘to outline distinctly and clearly’ (so Cat., c. 1, 6). This brings us to the point: relying on the expressiveness of the picture given by Calvus, a naïve listener thinks that the tiny orator showed a gigantic eloquence, which is understood as a plenty of phrases in florid style. For the reader of Catullus it is clear, however, that the style of Calvus was the opposite of the eloquence of the Ciceronian kind with its amplifications and ornaments. So if the picture of the crimes of the Caesar’s accomplice seemed to be so eloquent, it was not due to the art of Calvus as *disertus*, but rather to the *crimina Vatiniiana* themselves, q. e. d.

Keywords: G. Valerius Catullus, M. Licinius Calvus, M. Tullius Cicero, poetry and declamatory art, P. Vatinius, salapu(t)tium disertum, explicare.

Говоря о 50-х годах I в. до н. э. — эпохе, когда так неуклонно брал верх над законами Юлий Цезарь [Дуров, 1991], — юноши из старинных и заметных семейств, вроде Гая Валерия Катулла¹ и Гая Лициния Кальва², которые делили радость (Cat. c. 14), горе (c. 96)³

---

¹ О nomen gentilicium Valerii (имя, отнюдь не безразличное для настоящего сборника) существует трактат мастера генеалогических исследований Ф. Мюнцера [Münzer, 1891]. Основные ветви рода: Maximi и Poplicolae; также Flacci, Messallae; из них же происходил основатель неотериков Валерий Катон. К патрицианскому роду Валериев Катулл, как ни мало известно о его биографии, имел, судя по тону с. 79, прямое отношение. Любопытно, что L. Valerius Catullus Messalinus, живший при императоре Домициане, имел отца, который именовался не иначе как Valerius Catullus.

² Лицинии (Licinii) — семейство «плебейское», но древнее, насчитывавшее множество деятелей в своих различных ветвях: рядом с Licinii Calvi были Licinii Macri, Crassi, Luculli, Divites etc. У Ливия упоминаются как более древние Лицинии (V, 12, 9; 13, 2), так и C. Licinius Macer, отец Кальва, тем более что тот был не только политическим деятелем, но и историком, сочинявшим «Аннали» (Liv. IV, 23, 1).

³ «Cum Calvo, docte Catulle, tuo» (Ov. Amor. III, 9, 61) — тесная дружба обоих мыслится и за гробом, из чего следует, что она не была омрачена какой-либо резкой переменой.

и особенно, как водится у молодых людей, досуг (с. 50), думали противиться ходу событий: поэтические единомышленники⁴, они и политически были близки⁵. Катулл, равно как и Кальв, был страстным противником узурпации власти триумвирами и Цезарем как самым успешным из них. Крошечное стихотворение Катулла «*Risi nescioquem...*» (с. 53) выбрало себе мишенью ярого цезарианца Публия Ватиния, к которому Катулл испытывал прочную и, судя по высказываниям Цицерона в его «*In P. Vatinius testem interrogatio*», солидно обоснованную неприязнь: *odium Vatinianum* (с. 14, в. 3)⁶. Поэтому несколько неожиданно, что В. Кролль, один из заслуженных комментаторов Катулла [Kroll, 1960], считает это пятистишие невинной прибауткой, которую поэт рассказал лишь для того, чтобы позабавить приятеля, произнеся уличное словечко, стоящее в самом его конце⁷. Более того, признаем с самого начала,

---

⁴ Неотерики — кроме Катулла и Кальва это, как известно, и Цецилий из Новум Комум, и Квинт Корнифиций, Гельвий Цинна, Фурий Бибакул, Корнелий Галл и др. — противостояли литературным «староверам» вроде Цицерона, в котором они обрели себе опасного, ибо не только влиятельного, но и тонкого, критика.

⁵ Об этом, например: [Модестов, 1888, с. 308–311]. О том, что отношение к Цезарю со стороны молодого Катулла было несоразмерно его положению, столетием позже Сенеки Старшего писал Светоний (Suet. Jul. 73).

⁶ У Катулла *Vatinius* встречается дважды: с. 14, 3; с. 53, 2. Прилагательное в словосочетании *odium Vatinianum* надо понимать в объективном смысле: оба поэта ненавидят Ватиния (*pace* G. Lafaye, толкующего *odium Vatinianum* в смысле “... une haine digne de celle que Vatinius nourrissait contre Calvus” [Catulle, 1922, p. 120]. В этом же духе высказывался Г. Маттис [Matthies, 1874, p. 99, note]. Объективное значение таких прилагательных вообще изысканнее, что идет неотерикам, ср. Gell. IX, 12, 10 о слове *laboriosus* в одном фрагменте Кальва с объективным значением ‘требующий труда’, совершенно как у Катулла в с. 1, 6–7: *cartae laboriosae*. Возвращаясь к Cat. с. 14, где это выражение появляется при обращении к другу Кальву: «*ni te plus oculis meis amarem ... / odissem te odio Vatiniانو*». Ясно, что здесь сопоставляются пылкие чувства говорящего: любовь к Кальву и его же ненависть к Ватинию, которому поэт вообще не приписывает каких-либо чувств.

⁷ «Ein harmloses Erlebnis, anspruchslos in einem Satze erzählt, um dem Freunde einen Spaß zu bereiten» [Kroll, 1960, S. 94, ad loc.]. В качестве парал-

что суждение это странно, если учтем прямое указание на *crimina Vatiniana* (v. 2–3), — такое должно бы настроить нас поискать, во что метит безусловно наличный в тексте политический выпад. Это же обстоятельство должно насторожить нас против мысли, будто содержание стихотворения сводится к использованию обценной лексики, для чего пробуют вывести *salaputtium* из *salax* и *-putium*, взяв их на фоне *calvus*, использованного, будто бы, еще и в апеллятивном значении — такое остроумие скорее прискорбно, чем весело (расе [Deroux, 2006]). Катулл, конечно, не враг соленых словечек, но сила его победоносного поэтического слова не в них.

Поэтому обратимся к тексту с. 53, которому, разбирая частности, постараемся следовать линейно, ища смысла пятистишия в целом:

Risi nescioquem modo e corona,
Qui, cum mirifice Vatiniana
Meus crimina Calvus explicasset,
Admirans ait haec manusque tollens:
«Di magni, salaputtium disertum».

Начну, впрочем, с уже упомянутой детали, занявшей, на мой взгляд, непомерно большое место в истории комментирования с. 53, а именно — с интригующего, ибо не вполне внятного, речения *salapu(t)tium*. Нас будет интересовать не столько само существительное, поскольку и особенности его звучания, не без труда извлекаемые из немногих свидетельств, обычно восходящих как раз к нашему стихотворению, и точное значение слова остаются гадательными⁸. Из контекста видно только, что это народное, как

лели Кроль приводит Anth. Graeca X, 23 — действительно безобидный мадригал от греческого поэта греческому оратору.

⁸ *Salapu(t)tium, salapantium* etc. — ожидаемый краткий гласный в третьем слоге как раз мог дать нужный в стихе долгий слог через удвоение зубного консонанта на письме, побуждающее к усиленному произнесению смычного и к закрытию слога. Фурор произвела африканская надпись конца II в. н. э. с личным именем *Salaputis* (CIL 8, 10570 Wilmanns); ср.: [Черняк, 2011, с. 152] о произнесении *ossum* в вульгарной латыни вместо *os* в классической. обстоятельный анализ с приведением ученой литературы об этом вопросе см.: [Hawkins, 2012].

будто, словечко⁹ обозначает — скорее, в духе *pars pro toto*, чем *abstractum pro concreto* — нечто не крупное, зато сообщительное¹⁰.

Известно — с некоторой угрозой «порочного круга», — что Кальв был очень маленького роста («*erat enim parvulus statura*», *Sen. Contr.* VII, 4, 6). Сюда, как кажется, относится и шутка Цицерона, которого блестящие поэты-неотерики любили задевать, так что маститый оратор в свою очередь вынужден был иной раз почитаться с молодежью в злоречивом остроумии:

Nosti Calvum ex Nanneianis illum, illum laudatorem meum, de cuius oratione erga me honorifica ad te scripseram (*Cic. Att.* I, 16, 5)¹¹.

Что касается глоссы, к которой мы привыкли в форме *salaputium* (такова издательская вульгата), то она указывает на мужской — скорее всего, солдатский — жаргон, внося ту естественную простоту, которая у Петрония названа *nova simplicitas* (*Sat.* 132)¹².

---

⁹ «Ein plebejischer Kraftausdruck» [Friedrich, 1908, S. 239 ff.] (комментарий Г. Фридриха, который служит более 100 лет, остается и теперь необходимым, несмотря на появление множества новых). Что касается значения, см.: [Adams, 1982, p. 65, s. v.] Ассоциация с *praeputium* тут, пожалуй, не совсем случайна. А уж прославленное благодаря Катутллу словечко *salaputium*, как остроумно отмечали, повлияло, кажется, на новообразование ‘лилипут’ Дж. Свифта, не совсем без основания тягавшегося ученостью с Р. Бентли.

¹⁰ Что касается рус. *шалапут* (которое имеет, со своей стороны, ряд вариантов оформления), то это еще целая история, см.: [Фасмер, 2008, т. 4, s. v.] под словами *шалопай*, *шалапут* и проч. (кроме фр. *chenapan* из нем. *Schnapphahn* тут все необыкновенно зыбко). Н. И. Толстой приводит ряд вариантов этой лексемы: [Толстой, 1985, с. 278 слл.].

¹¹ О текстологии и экзегезе этого пассажа: *Calvus* часто понимают как эпитет, относимый к М. Крассу, но иногда — как *cognomen* Г. Лициния Кальва, причем в этом случае становится привлекательным соединить *Nanneiani* с малым ростом Катутллова приятеля [Hawkins, 2012, p. 348, n. 52]. Ср. греч. *vāvos*, лат. *nanus*. Кажется, по контрасту при разговоре о Кальве то и дело появлялась характеристика *ingens*: «*plena sunt ingentis animi*» (*Sen. Contr.* VII, 4, 7); «*ingens animus*» (*Quint. Inst. or.* X, 1, 115).

¹² Ср. выражения, в которых император Август дружески называл Горация: «*purissimum pene ... homuncionem lepidissimum*» (*Suet. Deperdit. libr. reliquiae*, 297 Roth).

Как правильно отмечено в только что процитированном комментарии к Cat. с. 53, *disertum* явно не входило в состав какого-либо общенародного речения с *salaput(t)ium*, а значит, оно добавлено к расхожему словечку поэтом¹³ — смысл *этого* слова в особенности надо бы нам определить, ибо оно служит и завершением, и, наверное, вершиной целого.

Стихотворение Катутла, являясь литературной миниатюрой, относится, как всем понятно, к одному из трех процессов Кальва [Matthies, 1874]¹⁴ против ярого цезарианца Ватиния, законотворчество которого — *leges Vatinae* — служило укреплению всевластия одного человека¹⁵. Такие пособники вызывают, как известно, неприязнь, сопряженную с отвращением, как разумные существа, отказывающиеся от своего ума и воли. Это было в те же годы, что и две речи Цицерона, одна против¹⁶, а вторая (под давлением триумвиров на Цицерона) — за Ватиния (то ли 56, то ли 54 г.) [Schmidt, 1914, S. 273 ff.]¹⁷. За 54 г. говорит то, что на следующий год Ватиний стал претором, а потом, когда Катутла, а наверное и Кальва, уже не было в живых, еще и консулом, что было, наверное, пределом мечтаний усердного клеветы.

Исследователи Катутла давно догадываются о том, что Cat. с. 49 с неумеренным восхвалением Цицерона («*disertissime Romuli*

---

¹³ Предикативная сила этого слова подчеркнута в недавнем комментарии к Катутлу: [Catullus, 1997, ad loc.]

¹⁴ Кальв против Ватиния выступал в суде трижды. Любопытно, что в с. 14, 3 у Катутла есть выражение *odium Vatinianum* при обращении к тому же Кальву, притом в «объективном» смысле (Controvers. VII, 4, 7 — смысл тут еще определеннее, чем в с. 53). Он описывает гротескно малый рост Кальва, и тут же говорит, что стихи Кальва, невзирая на свою шутовскую, суть плоды «огромного духа» («*plena sunt ingentis animi*», loc. cit.).

¹⁵ «*Et initio quidem Galliam Cisalpinam, Illyrico adiecto, lege Vatinia accipit*» (Suet. Jul. 22); cf. Cic. In P. Vatin. interrogatio, 11; Cass. Dio XXXVIII, 8, 2.

¹⁶ В рамках процесса в защиту Сестия (Cic. Pro Sest. 133) Цицерону пришлось бороться и против Ватиния; последнего Цицерон назвал «рупором» (*tuba*) проскрипции, инициированной Секстом Клодием; отчасти сохранилась записанная позже яростная импровизация Цицерона против Ватиния: «*In P. Vatinium testem interrogatio*».

¹⁷ С. 49 понимается здесь как насмешливое обращение к Цицерону в отместку за защиту Ватиния в 54 г.; [Riese, 1884, p. 93].

nepotum / quot sunt quotque fuere, Marce Tulli, / quotque post aliis erunt in annis ...») написано с немалой степенью иронии [Thomson, 1967]¹⁸ и, возможно, как раз по поводу той защиты¹⁹. Не говоря о тех, кто отстаивает прямо «положительную» версию в толковании с. 49 [Слугин, 1996, с. 194–200]²⁰, скорее правы те, кто оценивает тенденцию этих стихов как критику, притом не в духе мягкого юмора, а прямо или почти сатирически — ведь когда Катулл пишет дружески, он иногда может и задеть, но при этом дружество как раз и проступит из его тона (с. 10 или хоть с. 14 к тому же Лицинию Кальву). Пафос не дружился у Катуллы с дружбой. Братство неотериков с их притязанием на нечто высшее без натуги мыслимо среди сверстников, а не с людьми старшими и признанными — в последнем случае возникают щепетильные счета о взаимном признании на основе условий и взаимных уступок. Между тем в с. 49 превосходная степень царит абсолютно²¹, будь то в пышном парафразе обращения²² или в парадно развернутой передаче понятия «всегда». По всей видимости, в этом — заодно с неизвестным нам ближе поводом к написанию стихотворения — содержалась пародия на Цицеронов стиль, так что это не просто ги-

---

¹⁸ Автор взвешивает степень ироничности — не мягкая дружеская и не прямо враждебная, а та, что лежит между этими двумя крайностями, как бывает при разногласиях с людьми в общем скорее дружественными (Томсон перечисляет общих друзей Катуллы и Цицерона: Корнифиций, Корнелий Непот, Целий Руф, Манлий Торкват).

¹⁹ Другое направление в толковании связывает с. 49 с речью Цицерона в защиту Целия (Cic. Pro Caelio) против Клодии как свидетельницы.

²⁰ Соображение автора в пользу положительного звучания остроумно, но не бесспорно доказательно, так как трудно измерить, какую степень и глубину схождения подразумевает та или иная аллюзия. К тому же разбираемый Слугиным римейк-пародия Марциала (Mart. I, 7) объединяет два стихотворения Катуллы — с. 49 и с. 2.

²¹ На приблизительно 3000 образований с *-issim-* по Электронному тезаурусу в корпусе латинских авторов на Цицерона приходится более трети случаев с *optim-*, что усиливает подозрение к превосходным степеням в с. 49 Катуллы, выступающим как сквозной пародийный мотив стихотворения.

²² К тому же *Romuli nepotum* смутно напоминает *Remi nepotes*, которые, по Катуллу, причастны к нимфоманской ипостаси Лесбии (с. 58), т. е. опять угадывается инвектива.

перболизированные хвалы на фоне преувеличенного самоуничтожения, а насмешка, сопряженная с *передразниванием* характерной для Цицерона неумной амплификации (αὐξήσις) через инфляционное использование суперлативов — прием действительно очень простой, который сам по себе не доставил бы славы оратору, когда бы этот оратор не располагал помимо него богатейшим арсеналом художественных средств [Skinner, 1981, p. 78 ff.]²³.

Что касается противостояния с Цицероном по литературной школе («Calvus, qui diu cum Cicerone iniquissimam litem de principatu eloquentiae habuit», Sen. Contr. VII, 4, 6), то для таких задорных литературных приятелей как Катулл и Кальв оно могло казаться ощутимее политических и моральных ошибок, а иной раз — даже и личных обид²⁴, тем более что и Цицерон исподволь посмеивался над Кальвом именно как литературный мэтр (см. отчетливо выраженную и заботливо сформулированную им характеристику Кальва как адвоката и стилиста (Brut. 82, 280–284; Fam. XV, 21) [Gruen, 1967]. Особенно могло задеть мнение мастера: «nimirum tamen inquirens in se atque ipse se observans metuensque, ne vitiosum conligeret, etiam verum sanguinem deperdebat» (Brut. 283).

Исходя из этого обратим внимание на пассаж из Сенеки Старшего, естественно, всегда привлекаемый при толковании с. 53 Катуллы, поскольку автор, заинтересованный непосредственно в истории судебного красноречия, хоть и родился в далекой Испании, зато в то самое десятилетие, когда имели место инвективы Кальва против Ватиния (предположительно 54 г. до н. э.), так что, занимаясь красноречием, Сенека, наверное, слышал отзывы о рано умершем римском ораторе от старших современников Кальва. Это заставляет серьезно относиться к нижеследующему свидетельству:

Calvus, qui diu cum Cicerone iniquissimam litem de principatu eloquentiae habuit, usque eo violentus actor et concitatus fuit ut in media ei-

---

²³ Об этой «sarcastic mimicry» весьма убедительно говорит Хоукинс [Hawkins, 2012, p. 343, n. 39].

²⁴ Последним в жизни отца Лициния Кальва, Лициния Макра (его цитирует Тит Ливий: IV, 23, 1) оказался процесс против этого историка и народного трибуна, на котором председательствовал Цицерон; вскоре после этого Лициний ушел из жизни.

us actione surgeret Vatinius reus et exclamaret: *rogo vos, iudices: num, si iste disertus est, ideo me damnari oportet?* (Sen. Contr. VII, 4, 6).

Интересно сочетание ряда деталей в этом рассказе, написанном несколько десятилетий спустя, но перекликающихся с Cat. c. 53, которое написано, конечно, по горячим следам события. Катутллу Ватиний всегда ненавистен (ср. с. 14, с. 52), равно как и другой приспешник Юлия Цезаря [Scott, 1971], Мамурра, выступающий у Катутлла обычно под прозвищем *mentula* — поэта, видимо, забавляло ненавязчивое сходство в контуре двух трехсложных слов, при совпадении у них первой и последней буквы²⁵. Что переключка имеется, удивляться не стоит, тем более что Сенека в только что приведенном пассаже определенно учитывает концовку с. 53 Катутлла, упоминая тут же разительно малый рост Кальва, который, как принято считать, подразумевался в *salaputtium* из последней строчки Катутллового стихотворения; упомянуты у Сенеки и отношения молодых литераторов-неотериков с Цицероном. Однако самое любопытное, пожалуй, то, что та самая фраза, которую в стихотворении Катутлла произносил «кто-то (из толпы)», у Сенеки вложена в уста самого Ватиния. Получается некий сбой в передаче одного и того же, казалось бы, рассказа: Ватиний, по Сенеке, назвал *disertus* своего же обвинителя, между тем как в сценке, нарисованной Катутллом, то же самое слово выкрикивал «некто», а не сам герой дня²⁶. При этом очевидно, что отношения неотериков друг с дру-

---

²⁵ Что другое имя человека, называемого у Катутлла Мамуррой, могло — хотя бы предположительно — звучать *Vitruvius Pol(1)io*, вызывает шок у тех, кто располагает эти имена в разных отделах своего сознания: что общего между Мамуррой и автором повлиявшего на века римского сочинения о строительном деле («*De architectura*»)? Между тем не надо забывать, как страстны бывают современники, доходя не только до разительных различий, но и до вопиющих крайностей в своих оценках. Мамурра был *magister fabrum* у Цезаря, который подобно Наполеону умел подбирать лояльных себе людей так, что это ничуть не подразумевало их непригодности в делах. Не забудем и то, что в числе инвектив Катутлла на Цезаря с Мамуррой есть примечательная в этом контексте деталь: «*erudituli ambo*» (с. 57, 7).

²⁶ Оттенок 'невесь кто' для *nescioquis* не характерен — слово не очень употребительно в литературе, ибо носило разговорный характер, сохранило

-гом, с цезарианцами и Цицероном у Сенеки понимаются в целом так, как можно ожидать, судя по различным стихотворениям Катуллы и высказываниям Цицерона в целом.

И все-таки: Катулл не только ближе к событию, о котором рассказывается так, словно он очевидец, наблюдавший анекдотический случай (может быть, поэт и в самом деле присутствовал в суде), — ведь непонимание происходящего неким малоизвестным человеком, непривычным к судоговорению (как получается у Катуллы), правдоподобнее, чем нечаянное признание достоинств своего собственного обвинителя у Ватиния (то, что Ватиний в переписке с Цицероном несколько лет спустя не выглядит таким пошлым мерзавцем, как у Катуллы, — это уж другое дело). Случай, рассказанный Катуллом, скорее мог случиться в жизни, чем признание, по Сенеке, со стороны Ватиния, в духе пророка Валаама (VT, Num. 23–25), который благословил евреев вопреки ожиданиям того, кто платил ему за проклятие им же. Примирить эти варианты можно было разве что истолковав *nescioquis* уже у Катуллы как намек на самого Ватиния, что вряд ли правдоподобно даже в том смысле, будто Сенека понял Катуллу таким образом, пускай вразрез с волей поэта.

Но вернемся к рассказу о речи Кальва, как ее представляет Катулл. В окружившей Кальва и Ватиния публике²⁷, названной *corona* (считают, что это свидетельствует не о таком уж людном процессе), некто — *nescioquis* («Неизвестный»), переполненный чувствами, вздымает руки в знак обращения к богам²⁸, что отлично готовит заключительную реплику, в которой, видно, и содержится интерес сценки. Чем именно потрясен этот добрый человек? Даже если мы сразу предпочтем соединять *admirans haec* (а не *ait*

в своем смысловом содержании указание на (нейтральную) неизвестность при выборе одного из двух, нескольких или многих лиц. Ср. *(ali)quis, quidam* или *quispiam*.

²⁷ *Corona* иногда относится и к группе вооруженных людей: «*armatorum corona*» (Cic. Phil. II 44, 112).

²⁸ *Manus tollens* — см. [Friedrich, 1908, S. 239 f.]; cf. Cic. Fam. 7, 5, 2; Acad. 2, 19, 38; Ov. Met. IX, 703; X, 580; Hor. Sat. 2, 5, 96.

haec)²⁹, у нас останутся вопросы при толковании *admiror*, которое у Катутла встречается четырежды, всегда в значении ‘дивиться, удивляться’. Привлекая словоупотребление и других авторов (Лукреция, Цицерона), альтернативу ‘восхищение — возмущение’ не только можно, но и лучше обойти, остановившись на общем значении ‘подивиться’, которое применялось по ситуации *in utramque partem*³⁰. Что касается *haec*, то Неизвестный потрясен: (1) либо тем, как «потрясающе» (ср. выше *mirifíce*)³¹ изложил дело Кальв, либо (2) теми преступлениями («*scímina ... haec*»), к которым это местоимение может непосредственно относиться, что, надо сказать, грамматически более всего напрашивается, даже если не всегда первым приходит на ум. В любом случае восклицание Неизвестного по поводу речи Кальва подкреплено выделенным выше повторением элемента *mir-*.

---

²⁹ *Ait haec* или *admirans haec*? В первом случае местоимение зависит от *verbum dicendi* и вводит прямую речь, следующую ниже, во втором — перед нами гипербат с *admirans*, от которого зависит местоимение. Когда Катутлу случается что-нибудь процитировать в качестве *verb. dic.*, появляется *inquam* или *ait*, которого достаточно для введения прямой речи. *Ait* с прямым дополнением *haec* у римских поэтов встречается, особенно в форме, как любил Вергилий, *haec ait + verbum finitum*, где местоимение зависит от *verb. dic.*, но формула не предваряет цитату, а дает переход от нее к новому. Учитывая это, и у Катутла в с. 53 скорее надо видеть гипербат и признать, что *haec* зависит от *admirans*, между тем как *ait* непосредственно вводит прямую речь последней строки.

³⁰ У Лукреция основа *admir-* встречается дважды и оба раза в нейтральном смысле. У Цицерона 339 примеров, притом рядом с эмоционально нейтральным значением есть и обе крайности — то восхищения, то осуждения. Характерно, что применительно к *admirabile genus causae* (*Invent. I, 23, 16*) Цицерон приравнивает лат. *admirabilia* к греч. *παράδοξα*.

³¹ *Mirifíce* — слово, у латинских авторов весьма употребительное, но примечательно, что больше половины имеющихся примеров (судим по Электронному тезаурусу) встречаются у Цицерона, так что при всей расхожести выражения и в этом случае у чувствительных стилистов, какими безусловно были поэты-неотерики, можно предполагать ассоциацию с языком Цицерона, который сильно их занимал. Расхожий и стертый характер реплики *mirifíce* напоминает немецкое расхожее *phantastisch* или нынешнее расхожее в нашей городской и журналистской речи *потрясающе*.

Обратим, наконец, внимание и на слово *explicare* — оно любопытно, поскольку предваряет *disertus*: оба слова связаны с обличительными действиями Кальва, нападающего на Ватиния, и дают характеристику обвинительного выступления оратора со стороны поэта и друга. В основе представления, содержащегося в *explicare*, лежит метафора, использующая пространственный образ, как это видно, на примере: «*intestina sua .... explicari per omnem ... ambitum*» (Suet. Aug. 94, 4); это близко к тому, что мы находим и у Цицерона: «*ut explicatis ordinibus temporum uno in conspectu omnia viderem*» (Brut. 15). Переносное значение этого слова держится на образном представлении: ‘(разворачивая) раскладывать по своим местам’. Что *explicare* мыслится пластически, свидетельствует и (родственное и по своей образной основе) слово *complicare*, например у Сенеки Младшего (Epist. 18, 14): «*epistulam complicare*» (о складывании дощечек). То же с *implicare*: «‘*veritatis simplex oratio est*’, ideoque illam *implicari non oportet*» (Epist. 49, 12).

Итак, *explicare* в переносном смысле означает ‘отчетливо показывая, доходчиво изъяснять’. Особенно поучительна для нас параллель из самого Катутлла: «*omne aevum tribus explicare cartis*» (Cat. c. 1, 6) — тут подчеркивается конспективная краткость, отчетливость, удобообозримость³². И наоборот: тут нет ничего, что указывало бы на изысканность, на какие-нибудь красоты или остроумие речи, которые можно было в ту пору передать, например, глаголом *exornare* или, например, *copiose* ‘uberius dicere, amplificare’ (ср.: «*augere posse laudando vituperandoque*», Cic., Brut. 47, 1)³³. Иначе говоря, *explicasset* в с. 53 применительно к суховато-рациональному, аттически ориентированному стилю Кальва как раз ожидаемо, в противовес азианскому и заполняющему любые пу-

---

³² Латинские синонимы, довольно близко выражающие сходное содержание: *explanare*, cf. *planum esse*; *exponere*, *ostendere* (*per partes*), *rem in medio ponere*, *randere*, *percussere*; *enarrare* etc.; *enodare* по смыслу стояло в соседстве с *explicare*, указывая на аналитическую остроту объяснения.

³³ «*Illud iudicium est fundere quae natura contracta sunt, augere parva, varietatem similibus, voluptatem expositis dare et bene dicere multa de paucis*» (Quint. Inst. or. X, V, 11).

стоты слогу Цицерона³⁴. Вспомним, как громят все, что попадает-ся им на пути, Цицероновы периоды, обращенные хоть бы и к Ватинию:

Ac tamen hoc, Vatini, memento, paulo post istam defensionem meam, quam tu bonis viris displicuisse dicis, me cum universi populi Romani summa voluntate tum optimi cuiusque singulari studio magnificentissime post hominum memoriam consulem factum, omniaque ea me pudenter vivendo consecutum esse quae tu impudenter vaticinando sperare te saepe dixisti (In P. Vatin. testem interrog. 2, 6).

Размышления о стиле Кальва приводят нас к желанию еще раз вернуться к заключающему стихотворение эпитету *disertus*, которого удостоен был Кальв со стороны Неизвестного слушателя: *nescioquis* — «кто-то там (такой)» из сторонних присутствующих. Само по себе *nescioquis* не выражало презрительного отношения со стороны того, кто пользуется этим словом (ср., напротив, рус. *невесть кто*), — однако ясно, что непринадлежность к числу людей известных подразумевала у таких блестящих молодых людей, как Катулл и Кальв, отношение несколько свысока. К тому же ясно, что этот носитель жаргона исходит из расхожего представления о красноречии, когда «речистость» мыслится спутницей словоохотливости, а дар речи — с природной склонности «врать красиво». Это представление входит как часть и в более просвещенные воззрения на природу красноречия: недаром, если *doctus* и оказывается иногда в одном ряду с *disertus*, то оба элемента воспринимаются как взаимодополняющие: *diserti* бывают от природы, но *docti*, как и *eloquentes*, нуждаются в дисциплине, в обработке природных данных оратора (De Or. I, 94). Положительно и в том же духе о категории *diserti* говорится у Цицерона (Phil. II 43, 111) или, например, у Квинтилиана («*rectus est enim, quod disertos facit, et vis mentis*», Instit. or. X, VII, 15). Конечно, встречаются пассажи, где понятия, указывающие на разные стороны красноречия, выступают не так контрастно: «*satin hoc plane, satin diserte, ere, nunc*

---

³⁴ Не зря у тонкого в своих катулловских переводах Теодора Хайзе (Th. Heuze) *explicasset* передано через бесцветное *dartun*.

videor tibi locutus esse?» (Pl. Amphitr. 578). Ничто не мешает вводить это выражение и в иронический контекст: «quid si (scil. rhetor) te disertum facere potuisset?» (Cic. Phil. II, 101) — «Сколько бы ты заплатил за (имеется в виду: невыполнимую в отношении именно Антония) задачу сделать тебя красноречивым?»

Картина меняется, если слово *disertus* применено к «только красноречивому», который говорит красно (а не умен, не искренен, не самобытен). У Овидия: «quid facundia posset / tunc patuit fortisque viri tulit arma disertus» (Met. XIII 383) — сильному в речах Одиссею вручены доспехи Ахилла, а суровый воин Аякс уходит ни с чем. А вот неодобрение, выраженное еще определеннее: «Celer tuus disertus magis est quam sapiens» (Cic. Att. X, 1, 4). Можно сравнить знаменитый девиз «non diserta, sed fortia»³⁵, сформулированный Киприаном (Cyprian. Epist. ad Donatum, 2), а затем попавший к Иерониму (Hieron. Epist. 52 Ad Nepot. presbyt., 4, 198 Wright). Здесь тот же *disertus* оборачивается к нам своей слабой стороной: (только) красноречивый.

У Катуллы *disertissime* обращено к Цицерону (с. 49) — мы уже говорили об этом, — так, что его можно толковать в любую сторону, но по существу скорее отрицательно. Что касается Кальва, то он славен как аттицист, как оратор подчеркнуто сдержанный и уж никак не говорун, не фантазер, не любитель воздействовать на людей бурными словоизвержениями; главная слава его у римской критики — сдержанность, доходящая до сухости [Plessis, 1896], логика, остроумные суждения и сентенции, бешеный напор мысли, что выражено Квинтилианом («et gravis oratio et castigata et frequenter vehemens quoque», Quint. Inst. or. X, 1, 115). К сожалению, среди фрагментов Лициния Кальва нет надежно засвидетельствованных полных фраз; в самом полноценном прозаическом фрагменте Кальва читаем:

Non ergo pecuniarum magis repetundarum quam maiestatis, neque maiestatis magis quam Plautiae legis, neque Plautiae legis magis quam

---

³⁵ Отличный комментарий к мотиву «non diserta sed fortia» см. в монографии: [Cain, 2013, p. 114].

ambitus, neque ambitus magis quam omnium legum iudicia perierunt (fr. 1 Plessis = Quint. Inst. or. IX, 3, 56).

По этой самой линии и под свежим впечатлением от Кальва повел атаку против него и его друзей Цицерон, которого, конечно, занимало соперничество с младшими, тем более что он как человек умный, т. е. критичный и к себе самому, понимал, что он не осужден ни обязательно проиграть, ни фатальным образом у всех и во всем выигрывать. Чувствуя ответственность за судьбы римского красноречия, Цицерон считает нужным честно отнестись к достижениям тех, кто были достойны выступать как его соперники. Поэтому он оборонялся по существу — для этой взыскательной молодежи он чрезмерен, выходит за грань вкуса, водянист, ну а они для него слишком осмотрительны («nimium ... inquirens in se atque ipse sese observans metuensque, ne vitiosum conligeret, etiam verum sanguinem deperdebat», Brut. 82) и не в меру скованы своими же правилами и требованиями, сдерживающим естественную силу речи («eius oratio nimia religione attenuata», Brut. 82). А впрочем, вскоре после смерти Кальва (и незадолго до своего конца) Цицерон, говоря о Кальве и Г. Курионе (Brut. 279), признает: живи они подольше — «si diutius vixissent», — от них можно было бы ожидать значительных достижений в искусстве красноречия. Ни оговорок о ненужном самоограничении, ни тем более насмешек над малым ростом Кальва теперь, конечно, нет. Отметим, что оценка, данная Цицероном, как видим из приведенных высказываний Сенеки и Квинтилиана, со временем была признана в целом справедливой. Квинтилиан прославляет «iudicium Calvi» (X, II, 26) и, ссылаясь при этом на Цицерона, говорит о дикции Кальва так: «et sancta, et gravis oratio et castigata et frequenter vehemens» (X 115; 3, 10) — разве что последняя характеристика сдержанно противостоит тому упреку в скованности, которое, как упомянуто выше, Цицерон делал Кальву.

Приступая к концовке стихотворения, а вместе и заключению нашего анализа, отметим еще одно обстоятельство. Цицерон, как и многие античные авторы, любит иной раз сопоставить красноречие выступающего, с одной стороны, а с другой — красноречи-

вость обстоятельств, потенциал ярких смыслов, таящихся в самих предметах: вещи словно располагают некоей собственной силой, которая служит гарантией того, что достоверный рассказ о них по самой их природе обязан звучать и убедительно, и ярко. Так, Цицерон говорит: «vereor ne haec qui non viderunt omnia me nimis augere atque ornare arbitrentur» (Verr. IV, 124). Получается, что не талант и ум порождают красноречие, а свойства или события сами в себе это красноречие содержат. Вот почему Цицерон говорит: «disertus esse possem, si contra ista dicerem. Quis enim non in eius modi causa?» (Tusc. I, 6). Похоже у Лисия (Lys. In Phil. 31, 2), когда греческий оратор говорил, что вдохновляется не способностью говорить, а изобилием проступков обвиняемого. Близкую идею вновь находим у Цицерона: «...sed materia facilis est in te et in tuos dicere ...; semper novus veniam, quam facultatem mihi multitudo istius vitiorum peccatorumque largitur» (Phil. II, 17). Так и Овидий: «In causa facili cuivis licet esse disertum / Et minimae vires frangere quassa valent» (Trist. III, 11, 21). В конечном счете, известный стих Ювенала («facit indignatio versum», Juv. I, 79) построен на той же предпосылке: не поэт сочиняет сатиру, а возмущение поэта, вызванное возмутительной действительностью. Литературное достижение, как видим, мыслится в таких случаях идущим не от авторского дарования и труда, а от того, о чем автор пишет: все решает сам материал, «правда жизни»!

Вот и в нашем случае: достоинство этой, как и прочих речей Кальва, состояло, в глазах друга Катуллы, не в нагнетании пафоса и бурного потока слов, а в сухом, но, конечно, «убийственном» подборе фактов и настойчивом освещении их. Кальв ценил сдержанность в речи. В процессе против Ватиния красноречив (disertus) был не Кальв, который просто все отчетливейшим образом излагает (explicat) — красноречивы были *самые дела* готового на все цезарианца. Это искусство Кальва, по Катуллу, не понято слушателем³⁶. Восклицианием «salaputtium disertum» («Ну и ну! Во, шкет,

---

³⁶ Странное утверждение В. Кролля [Kroll, 1960, p. 95]: не только наивный Неизвестный не понимает, как сложны споры о риторике [Kroll, 1960, sub fin.], но и Катулл этого не понимает!

загибает!»)³⁷ он свидетельствует, что за силу слова принял голое исчисление мерзостей Ватиния. В этом положении не следовало по-цицероновски шуметь и бурлить наподобие «tua sunt, tua sunt haec omnia» (In P. Vatinius testem interrog. 5), после того как обрушил на врага периоды, которым не видно конца; надо просто объявить череду деяний Ватиния и привести ряд неизбежных и немоллимых умозаключений по этому поводу. Ничего на свете нет красноречивее, чем сами *crimina Vatiniiana*!

У Катутла даются два толкования сразу, притом вполне разные, ведь *risi*, самое первое слово стихотворения, сразу показывает, что у поэта не то отношение к делу в целом, что было у описанного им Неизвестного, который со своими воздетыми к небу руками хтонически серьезен. Что думает *nescioquis* Катутлова стихотворения? Речь Кальва явила такое необыкновенное богатство, яркость, мощь ораторского дара в тщедушном до смешного теле Кальва, что возникает мысль: а могут ли обсуждаемые деяния Ватиния вообще быть такими? Не могли же они быть так преступны, страшны и нелепы! Верить Кальву вряд ли стоит, потому что тут мы имеем дело с необыкновенным талантом оратора и обвинителя. Именно по этой линии пошло толкование, представленное у Сенеки: его Ватиний по мысли близок к Неизвестному Катутла. Цезарианец признает Кальва *malgré soi*: раз тут такой талантище, что ж тут искать правду? Обвинение сильнее дел, которые не бывают так ярки; тут правильно хвалить оратора, а не хулить и судить обвиняемого. Отсюда видно, что версия Сенеки идет от Катутла, понимая сложившееся в процессе Ватиния положение на уровне Неизвестного. Ведь если для поэта естественно было признать всепобеждающий талант друга, то для исторического Ватиния еще более, чем для его отражения в рассказе Сенеки, это труднее себе представить в обстановке напряженного и опасного судебного состязания. И наоборот: было бы странно, если бы Катутл, зная историю по Сенеке, вместо самого Ватиния ввел бы Неизвестного, а значит, понятно, что полвека спустя рассказывают то, что довелось при-

---

³⁷ У С. В. Шервинского о *nescioquis* сказано, что он «Вдруг вскричал: „Ну и шиш, каков оратор!“» (ст. 5).

думать на основании популярного и наизусть известного с. 53 Катуллы³⁸.

Меньше думали о том, что имел в виду сам автор, когда рассказал в стихах этот эпизод из жизни своего замечательного друга, все личные, политические и литературные взгляды которого ему досконально известны. Катулл знает: сила Лициния Кальва в сдержанности, в сосредоточенном анализе и в скупых словах. Поэтому если сказанное им поражает своей яркой и фантастической пестротой, это как раз не выдумка: деяния Ватиния красочнее всяческого красноречия! Это, мне кажется, хотел сказать Катулл, даже если не все его поняли.

Итак, пятистишие с эпизодом на процессе Ватиния и его основные деятели сугубо историчны: Кальв изображен в тексте, Катулл стоит за текстом, Ватиний и толпа присутствующих на процессе дают фон рассказа; здесь же оказывается и попавший в миниатюру, случайно — но не напрасно — выхваченный из толпы простодушный неизвестный римлянин (мы не знаем его имени, но он, скорее всего, тоже историчен — не будь этого, поэт выразил бы те же мысли каким-нибудь иным способом). Кроме этих четверых тут же величественно, хоть и более смутно, проступают две всемирно-исторические фигуры — Юлия Цезаря и Марка Туллия Цицерона. Они не названы, но играют и в этом эпизоде характерную для них определяющую роль. Ведь без Цезаря Ватиний был бы, пожалуй, никто³⁹. Что касается Цицерона, то без него нельзя было бы понять тот дух (отчасти в связи с разностью поколений), который присущ Катуллу, Кальву и их сверстникам-друзьям, настроенным на утонченный эллинизм, по контрасту с буйно растущим и в слове, и в жизни «азианистом» Цицероном. Получается, шестеро историчных и очень индивидуально мыслящих и мысли-

---

³⁸ Ср. рассказы о фатальном конфликте с Декамнихом в пору, когда Еврипид выехал в Македонию, — что об этом рассказал Аристотель и что стали расписывать вокруг этой истории легенды о Еврипиде (см.: [Gavrilov, 1996, особенно с. 43–47]).

³⁹ Письма, которыми Ватиний с Цицероном обменивались потом, показывают, как переменчивы и политика, и люди.

мых героев в стихотворении из пяти коротеньких строк — это, пожалуй, немало.

Можно только удивляться, как такое содержание может уместиться в таком объеме. Не повторяем ли мы ошибку тех, кто готов опрокинуть в произведение все, что только случится о нем надумать? Хочется надеяться, что нет. Насыщенность получается здесь прежде всего за счет глубины жизненного опыта поэта и способности поэтического слова в любой художественной реплике вскрывать залежи такого опыта. Это и составляет силу поэзии как формы познания. Их опыт богат и всегда рядом, хоть и с разной степенью настоятельности. Здесь, например, политическое лежит на поверхности, а литературное надо понимать почти без намека, так сказать, а priori. Цезарь — враг, Цицерон — противник; Кальв — приятель Катуллы и тоже гений, Ватиний — монстр; а забавнее всех, ибо сам того не понимая, смысл происходящего невольно выявляет *nescioquis*. И если *salapu(t)tium* заслуживает внимания лингвистически, то герменевтически при толковании с. 53 существеннее риторико-поэтическая сторона (это правильно, нам кажется, чувствовали некоторые исследователи)⁴⁰: подсказкой был контраст между красочным *disertus* и сухим *explicare*. Рассказ Катуллы, таким образом, ничуть не безобиден⁴¹, а последнее слово эпиграмматически доносит до нас основную мысль рассказанного друзьям «анекдота».

ЛИТЕРАТУРА

Дуров В. С. Юлий Цезарь: человек и писатель. Л. : Изд-во ЛГУ, 1991.

Модестов В. И. Лекции по истории римской литературы. СПб. : Л. Ф. Пантелеев, 1888.

Слугин Е. В. *Gratias tibi maximas Catullus agit (Cat. 49) // Hyperboreus. 1996. Vol. 2 (1). P. 194–200.*

---

⁴⁰ Например: [Hawkins, 2012, p. 347 ff.] (наряду с изучением диалектно-обценной лексики исследовательница чувствует присутствие в с. 53 какой-то литературной борьбы).

⁴¹ Стоит ли называть этот небольшой эпизод словами «harmloses Erlebnis», как выразился приведенный нами в начале статьи В. Кролл, представляем судить читателю. Ср. выше примеч. 7.

- Толстой Н. И.* Заметки по славянской демонологии : Откуда название «шуликун»? // Восточные языки : Языки, история, культура : к 85-летию акад. В. И. Борковского / под ред. В. П. Вомперского, В. Л. Воронцовой и др. М. : Наука, 1985. С. 278–286.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Терра — книжный клуб, 2008.
- Черняк А. Б.* Vulgo и sermo vulgaris // *Hyperboreus*. 2011. Vol. 16/17. С. 149–167.
- Adams J. N.* The Latin Sexual Vocabulary. London : Duckworth, 1982.
- Cain A.* Jerome and the Monastic Clergy : A Commentary on Letter 52 to Nepotian With Introduction : Text and Translation. Leiden ; Boston : Brill, 2013 (Supplements to Vigiliae Christianae. Vol. 119).
- Catulle.* Oeuvres. Poésies / éd., trad. G. Lafaye. Paris : Les Belles Lettres, 1922.
- Catullus* / ed. with a textual and interpretative comm. by D. F. S. Thomson. Toronto etc., 1997.
- Deroux C.* A Fresh Look at the Joke in Catullus' Poem LIII // *Studies in Latin Literature and Roman History* / ed. C. Deroux. Vol. 13. Bruxelles : Latomus, 2006. P. 77–86.
- Friedrich G.* (Hrsg.) Catulli Veronensis liber. Leipzig ; Berlin : Teubner, 1908.
- Gavrilov A.* Euripides in Makedonien // *Hyperboreus*. 1996. Vol. 2 (2). P. 38–53.
- Gruen E. S.* Cicero and Calvus // *Harvard Studies in Classical Philology*. 1967. Vol. 71. P. 215–233.
- Hawkins S.* On the Oscanism salaputium in Catullus 53 // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 2012. Vol. 142. P. 329–353.
- Kroll W.* (Hrsg.) C. Valerius Catullus. 4. Aufl. Stuttgart : Teubner, 1968. [1-е изд. — 1922.]
- Matthies G.* De Licinii Calvi in P. Vatinius accusationibus // *Commentationes philologicae*. Lipsiae : Teubner, 1874. P. 99–113.
- Münzer F.* De gente Valeria : Diss. Berolini : Oppeln, 1891.
- Plessis F.* (éd.) C. Licinii Calvi Reliquiae. Calvus. Édition complète des fragments et des témoignages. Étude biographique et littéraire / avec un essai sur la polémique de Cicéron et des Attiques par J. Poirrot. Paris : C. Klincksieck, 1896.
- Riese A.* (Hrsg.) Die Gedichte des Catullus. Leipzig : Teubner, 1884.
- Schmidt B.* Die Lebenszeit Catulls und die Herausgabe seiner Gedichte // *Rheinisches Museum*. 1914. Bd 69. S. 267–283.
- Scott C.* Catullus and Caesar // *Journal of American Philology*. 1971. Vol. 66. P. 17–25.

Skinner M. B. *Catullus' Passer : The Arrangement of the Book of Polymetric Poems*. New York : Arno Press, 1981.

Thomson D. F. S. *Catullus and Cicero : Poetry and the Criticism of Poetry // Classical World*. 1967. Vol. 60 (6). P. 225–230.

REFERENCES

Durov V.S. *Julij Cezar': Chelovek i pisatel'* [Julius Cesar: A Man and Writer]. Leningrad, LGU Publ., 1991.

Modestov V.I. *Lekcii po istorii rimskoj literatury* [Lectures on the History of Roman Literature]. Saint Petersburg, L.F. Panteleev Publ., 1888.

Slugin E.V. *Gratias tibi maximas Catullus agit (Cat. 49). Hyperboreus*. 1996. Vol. 2 (1). Pp. 194–200.

Tolstoj N.I. *Zametki po slavjanskoj demonologii: Otkuda nazvanie "shulikun"?* [Notes on Slavonic demonology: Where from does the word "shulikun" come?]. *Vostochnye jazyki: Jazyki, istorija, kul'tura: K 85 letiju akademi-ka V.I. Borkovskogo* [Oriental languages: Languages, history, culture: the 85th anniversary of Acad. V.I. Borkovsky], ed. by V.P. Vomperskiy, V.L. Voroncova et al. Moscow, Nauka Publ., 1985. Pp. 278–286.

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo jazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. 4 vols. Moscow, Terra — knizhnyj klub Publ., 2008.

Chernjak A.B. *Vulgo et sermo vulgaris. Hyperboreus*. 2011. Vol. 16/17. Pp. 149–167.

Adams J.N. *The Latin Sexual Vocabulary*. London, Duckworth, 1982.

Cain A. *Jerome and the Monastic Clergy: A Commentary on Letter 52 to Nepotian With Introduction: Text and Translation (Supplements to Vigiliae Christianae. Vol. 119)*. Leiden; Boston, Brill, 2013.

Catulle. *Oeuvres. Poésies*, éd., trad. G. Lafaye. Paris, Les Belles Lettres, 1922.

Catullus, ed. with a textual and interpretative comm. by D.F.S. Thomson. Toronto etc., 1997.

Deroux C. A Fresh Look at the Joke in Catullus' Poem LIII. *Studies in Latin Literature and Roman History*, ed. C. Deroux. Vol. 13. Bruxelles, Latomus, 2006. Pp. 77–86.

Friedrich G. (Hrsg.) *Catulli Veronensis liber*. Leipzig; Berlin: Teubner, 1908.

Gavrilov A. Euripides in Makedonien. *Hyperboreus*. 1996. Vol. 2 (2). Pp. 38–53.

Gruen E. S. Cicero and Calvus. *Harvard Studies in Classical Philology*. 1967. Vol. 71. Pp. 215–233.

Hawkins S. On the Oscanism *salaputium* in Catullus 53. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 2012. Vol. 142. Pp. 329–353.

- Kroll W. (Hrsg.) C. Valerius Catullus. 4. Aufl. Stuttgart, Teubner, 1968. [1st ed. — 1922.]
- Matthies G. *De Licinii Calvi in P. Vatinius accusationibus. Commentationes philologiae*. Lipsiae, Teubner, 1874. Pp. 99–113.
- Münzer F. *De gente Valeria*. Diss. Berolini, Oppeln, 1891.
- Plessis F. (éd.) *C. Licinii Calvi Reliquiae. Calvus. Édition complète des fragments et des témoignages. Étude biographique et littéraire, avec un essai sur la polémique de Cicéron et des Attiques* par J. Poirot. Paris, C. Klincksieck, 1896.
- Riese A. (Hrsg.) *Die Gedichte des Catullus*. Leipzig, Teubner, 1884.
- Schmidt B. Die Lebenszeit Catulls und die Herausgabe seiner Gedichte. *Rheinisches Museum*. 1914. Bd 69. S. 267–283.
- Scott C. Catullus and Caesar. *Journal of American Philology*. 1971. Vol. 66. Pp. 17–25.
- Skinner M.B. *Catullus' Passer: The Arrangement of the Book of Polymetric Poems*. New York, Arno Press, 1981.
- Thomson D.F.S. Catullus and Cicero: Poetry and the Criticism of Poetry. *Classical World*. 1967. Vol. 60 (6). Pp. 225–230.
-

Гаврилов Александр Константинович

доктор исторических наук,

главный научный сотрудник

Санкт-Петербургского института истории РАН

E-mail: polivan@bibliotheca-classica.org